

Какому мужчине не хочется совершить что-то великое? До брака с Сяо Чжигэ Ань Чанцин и сам помышлял о том, чтобы сдать государственные экзамены и стать хотя бы мелким чиновником на периферии. Пусть не ради громкой славы в веках, но хотя бы трудиться честно и не кривя душой.

Сяо Чжигэ не разделял его опасений. Он лишь предложил для начала попробовать и составить свод правил. Затем этот документ должны будут изучить ответственные чиновники, подвергнуть многократным обсуждениям и правкам, и только после полной проверки официальный указ выйдет в свет и будет оглашен народу.

Только тогда Ань Чанцин успокоился. Он поднял старые хроники Яньчжоу, реестры населения и земельные карты и, объединив эти сведения со своими соображениями, взялся со всей ответственностью за составление свода правил. На какое-то время он стал даже более занят, чем сам Сяо Чжигэ.

Кабинет в поместье генерала оказался полностью в распоряжении Ань Чанцина — с самых ранних лучей солнца и до глубоких сумерек.

Изначально Сяо Чжигэ просто казалось, что юноша в последнее время выглядит поникшим, и он захотел пристроить его к делу. Но, видя, как Ань Чанцин постепенно входит во вкус, а из-под его пера выходят проработанные пункты — многие из которых никто раньше и не додумался предложить, хотя они приносили неоспоримую пользу народу, — князь проникся изумлением и гордостью.

Еще со времен доставки провианта и обороны города Сяо Чжигэ понял: Ань Чанцин совсем не так хрупок и немощен, как казалось на первый взгляд. На вид благородный и уязвимый, под изящной оболочкой он таил невероятно твердый характер. Лишь потому, что эта оболочка была слишком прекрасна, а сам он привык молчать, окружающие долго не замечали сокрытое внутри сокровище.

Сяо Чжигэ оказался первым, кто разглядел его.

В глубине души ему хотелось скрыть Ань Чанцина от чужих глаз, чтобы никто об этом не узнал. Но, глядя, как тот с увлечением листает книги, Сяо Чжигэ одновременно желал, чтобы весь мир узнал, насколько тот невероятен.

Ань Чанцину потребовалось около полумесяца, чтобы полностью составить и проработать все своды правил. Наступил июнь. Проведя все утро за аккуратным переписыванием подробного документа изящным каллиграфическим почерком, юноша со смешанными чувствами волнения и нерешительности отправился на поиски Сяо Чжигэ.

В последние дни он часто бывал в управе, поэтому стражники уже хорошо его знали. Поклонившись, они без лишних расспросов пропустили его внутрь.

Шэньту Сюй конвоировал почти десять тысяч «мятежников», которые со дня на день должны были прибыть в Яньчжоу. Сяо Чжигэ как раз обсуждал с чиновниками детали их размещения. Большое количество людей — это, конечно, хорошо, но в то же время грозит беспорядками. Чтобы безболезненно преодолеть этот переходный период, требовалось все спланировать заранее.

Когда Ань Чанцин подошел, Сяо Чжигэ все еще проводил совещание. Юноша намерен был

подождать снаружи, однако его тут же пригласили войти.

В зале как раз закончили обсуждать вопрос временного размещения людей. Увидев вошедшего Ань Чанцина, несколько чиновников-законников поклонились, после чего стали коситься на Сяо Чжигэ, не понимая, к чему тот позвал супруга.

Гражданские чиновники, в отличие от военачальников, не были так близки с Сяо Чжигэ, поэтому их мыслям была присуща лишняя подозрительность.

Сяо Чжигэ, казалось, ничего не заметил. Он непринужденно поманил Ань Чанцина к себе, усадив рядом, и обратился к собравшимся:

— Правила освоения целинных земель, о которых мы говорили на днях, были составлены ванфэй. Взгляните и пустите по рукам.

С этими словами он посмотрел на Ань Чанцина. Тревога в душе юноши под этим взглядом постепенно улеглась.

Он, в конце концов, носил титул Бэйчжань-ванфэй и составлял единое целое с Сяо Чжигэ. В такой момент недопустимо было проявлять слабость и давать повод усомниться в себе. Напустив на себя серьезный вид, он слегка кивнул и передал принесенные бумаги по рядам.

Чиновники глядели на него и невольно замечали, что этот ванфэй почему-то странно похож на сидящего рядом Бэйчжань-вана.

Чтобы подготовить эти правила, Ань Чанцин изучил немало трудов и рукописей, изучил опыт прошлого и применил собственные соображения, исписав добрую половину тетради. В документе затрагивалось не только освоение целины, но и последующие посевные работы, подведение воды для орошения и многое другое — для каждого вопроса предлагалось детально проработанное решение.

Те из чиновников, кто сомневался или выражал недовольство его вмешательством в государственные дела, прочитав свод правил, переглянулись, и на их лицах проступил стыд.

Тетрадь с правилами в последнюю очередь вернулась к Сяо Чжигэ. Хотя в предыдущие дни он отрывками уже просмотрел большую часть, теперь он снова внимательно перечитал все от начала до конца и лишь затем произнес глубоким голосом:

— Есть ли у кого-то дополнения или замечания по этому документу?

Присутствующие переглянулись. Наконец самый опытный и пожилой из них первым высказал свои соображения. Стоило кому-то начать, как остальные тут же воодушевились: кто-то вносил дополнения, кто-то задавал вопросы по непонятным местам.

Вот только на этот раз и в их взглядах, и в речах читались глубокое уважение и почтение к Ань Чанцину.

Слушая их, Ань Чанцин радовался в душе, хотя внешне старался не подавать вида. Он с полной серьезностью отвечал на возникающие вопросы и вместе со всеми дорабатывал недочеты. За время этой дискуссии пропасть между ними заметно сократилась. По сравнению с молчаливым и вечно мрачным Бэйчжань-ваном гражданские чиновники явно предпочитали иметь дело с доброжелательным ванфэй.

Когда обсуждение завершилось и окончательный вариант документа был утвержден, на дворе уже сгущались сумерки.

Один из старейших чиновников, словно не утолив до конца жажду спора, перед уходом даже схватился за рукав Ань Чанцина и с жаром произнес:

— Ванфэй, когда вы навестите нас в следующий раз? У нас еще столько вопросов, к которым мы не знаем, как подступиться! После разговора с ванфэй у меня родилось множество новых идей.

Пока Ань Чанцин раздумывал, что ответить, Сяо Чжигэ освободил его рукав из хватки старика и сухо отрезал:

— Вам, почтенный, пора отдыхать. Впереди еще полно времени, не стоит спешить прямо сейчас.

Старый чиновник лишь добродушно усмехнулся, сложил руки в приветственном поклоне и удалился.

Когда посторонних не осталось, Ань Чанцин расслабил струной натянутую спину и, пряча во взгляде искорки радости, тихо спросил Сяо Чжигэ:

— Я ведь не опозорил князя?

Сяо Чжигэ взял его за руку и с улыбкой ответил:

— Сегодня благодаря Но-но эти старики впервые подарили мне благосклонный взгляд.

Гражданские чиновники славились упрямством, да и Сяо Чжигэ кротким нравом не отличался, так что перепалки при разногласиях были обычным делом. Разумеется, все всегда заканчивалось тем, что Сяо Чжигэ давлением подавлял их сопротивление, и чиновникам приходилось смириться, даже если они были не согласны.

Сегодня же, несмотря на редкие споры, мягкий характер Ань Чанцина и его умение спокойно аргументировать свою позицию и находить компромиссы привели к тому, что в зале заседаний царила невиданная прежде гармония.

— Может, впредь Но-но будет отдуваться за меня перед этими чиновниками? — Сяо Чжигэ покачал головой и добавил: — Иметь с ними дело — сплошная головная боль, уйма сил уходит впустую.

Чиновничий аппарат Яньчжоу прошел чистку, и дармоедов среди них не осталось. Однако Сяо Чжигэ, будучи военным, привык решать вопросы силой. Эти же ученые мужи способны были закрутить одну фразу в сотню узлов, да к тому же гордились своей неподкупностью и бесстрашием перед властью. Порой Сяо Чжигэ доходил до белого каления, а распустить руки в отношении гражданских не мог — оттого и страдал от безысходности.

Окажись на их месте Ци Вэй со своими придирками, князь давно отвесил бы ему хорошего пинка.

Ань Чанцин рассмеялся:

— Ну что ты, разве они настолько трудные люди?

Сяо Чжигэ уверенно кивнул:

— Значит, решено.

Ань Чанцин не знал, смеяться ему или плакать, однако прекрасно понимал, что Сяо Чжигэ просто ищет повод вовлечь его в управление Яньчжоу. Поскольку подобные дела были ему не в тягость, юноша не стал манерничать и открыто согласился.

Увидев его согласие, Сяо Чжигэ переключился на заботу о его здоровье:

— В последнее время ты каждый день в трудах, зато спать стал лучше. Вот только мне кажется, ты снова похудел.

У Ань Чанцина и без того было миниатюрное лицо с заостренным подбородком, а стоит ему сбросить немного веса — так оно вовсе казалось не больше ладони.

— Где же я похудел? — Ань Чанцин потрогал свои щеки. — У меня в эти дни отличный аппетит, я даже думал, что прибавил в весе.

Но Сяо Чжигэ убежденно возразил:

— Похудел. За ужином съешь побольше, а кухне велю сварить питательный бульон.

Ань Чанцин бросил на него короткий взгляд, подумав про себя: «Кому из нас на самом деле не помешает восстановить силы — большой вопрос». Впрочем, вслух он этого произнести не посмел, иначе сам же потом и пожалеет. Поэтому он лишь сдержанно отозвался:

— Хорошо, выпьем вместе.

Примечание автора:

Ци Вэй: «???? Что я снова сделал не так?»

Сяо Чжигэ: «Да ничего не сделал, просто захотелось дать тебе пинка».

Ци Вэй: «...» (не смеет вымолвить ни слова).

После ужина и небольшой прогулки по дворику для улучшения пищеварения они умылись и легли спать.

Наступил июнь. Хотя погода постепенно становилась теплее, на севере земля пока лишь прогревалась, и до знойного лета было еще далеко. Однако Ань Чанцин переносил тепло с трудом: накинув легкую нательную одежду и укрывшись тонким покрывалом, он все равно жаловался на жару и недовольно отстранялся от Сяо Чжигэ, сетуя, что от того пышет зноем. Не находя иного выхода, Сяо Чжигэ велел сшить и принести несколько комплектов укороченной шелковой домашней одежды.

<http://bllate.org/book/18381/1767803>